

Протоиерей Лев ЛЕБЕДЕВ

О МЕСТЕ И ВРЕМЕНИ КРЕЩЕНИЯ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА И КИЕВЛЯН

В канун празднования 1000-летия Крещения Руси особую важность приобретает вопрос о том, когда именно и при каких обстоятельствах совершилось это великое событие. Известно, с одной стороны, летописное свидетельство о том, что в 988 году князь Владимир, совершив набег на Херсонес Таврический, вынудил Византию выдать за него замуж принцессу Анну и, когда она прибыла, крестился и венчался с ней. При этом крестилась и дружина князя. После этого князь Владимир с женой, дружиной, греческим духовенством прибыл в Киев, где в том же 988 году произошло знаменитое массовое крещение киевлян. Это летописное повествование стало хрестоматийным, так что подавляющее большинство и наших современников-соотечественников из школьных учебников и другой литературы знают, что дело было именно так, и ожидают празднования Крещения Руси в 1988 году.

Но известно также, с другой стороны, что некоторые церковные и гражданские историки прошлого и настоящего подвергают резкой критике указанные сведения «Повести временных лет». По их мнению, князь Владимир крестился не в Херсонесе, а неизвестно где и неизвестно в точности когда и при каких обстоятельствах, а его набег на Херсонес произошел примерно в 990 году и тогда же, если не позже, совершилось крещение киевлян. Правда, у критиков летописи нет единомыслия, некоторые из них допускают возможность крещения киевлян и в 988 году, но полной уверенности в этом уже не существует при общем критическом отношении к летописному свидетельству. В тех или иных вариантах критической точки зрения придерживаются и некоторые современные богословы.

Перед нами две версии о месте и времени крещения князя Владимира и киевлян. Одна, традиционная, имеющая своим главным выразителем преподобного Нестора Летописца, другая — критическая. Она исходит от известного профессора церковной истории Е. Е. Голубинского. В наших летописных данных Голубинский очень многое подверг резкой, произвольной и далеко не достаточно обоснованной критике. О некоторых особенностях его научного метода хорошо говорит не менее известный профессор Н. Н. Глубоковский. Он пишет о Голубинском: «Почтенный историк исходил из слишком крайнего недоверия ко всяким историческим источникам и, впадая иногда в мелочную придирчивость, пропускал без необходимой оценки весьма крупное... Человеческую возможность ошибаться Голубинский прямо обратил в фактическую потенциальность лгать, обязательно соприсущую всем историческим материалам. Этот безбрежный скептицизм грозил подрывом вся-

кой исторической достоверности и колебал самое научное бытие... Его критический молот был не просто внушительно-тяжелый, но и неразборчиво-грубый, бивший на своем пути направо и налево всё попадавшееся прямо насмерть»¹.

Нужно учесть, что Е. Голубинский жил и писал в самую эпоху, когда огульный критицизм по отношению ко всему традиционному и общепринятому был «духом времени» и даже как бы непременным критерием научности исследований. Но со времен Голубинского прошло уже более 100 лет. За это время историческая наука сделала немало шагов вперед, в частности критерием научности стал не огульный критицизм, а, напротив, бережное и доверительное отношение к нашим древним источникам, к летописям, благодаря чему современным отечественным ученым удалось сделать ряд блестящих открытий.

Голубинский, впрочем, не остался одинок в критике летописного сказания о Крещении Руси. Его критицизм поддержали некоторые видные ученые, на разный манер перетолковывая обстоятельства и детали великого события, сходясь в одном — в недоверии летописи. Возникла значительная литература критической школы. Если теперь, в самый канун празднования 1000-летия Крещения Руси, мы станем на позиции критической версии, то безнадежно расплывутся и потонут в бесконечных ученых «концепциях» все важнейшие обстоятельства дела: время и место крещения князя Владимира, время крещения киевлян.

Накануне великого юбилея нам самим нужно, наконец, разобраться в том, как же на самом деле все происходило, кто прав — преподобный Нестор или профессор Голубинский и те, кто за ним последовали?

Это мы сейчас и постараемся выяснить, предупредив, что рассмотрение дела будет, по необходимости, очень лаконичным.

События, как они восстанавливаются из данных нашей летописи в сопоставлении с данными иностранных и русских источников, какими располагает наука, развивались следующим образом.

Случилось так, что как раз в 986 г. или 987 г. (точный срок ученым установить не удастся)² соправители-императоры Византии Василий II и Константин обратились к князю Владимиру за военной помощью. Их положение было тогда очень тяжелым. В августе 986 г. войско Византии было разгромлено болгарами. В начале 987 г. мятежный полководец Варда Склиз с арабами вошел в пределы империи. На борьбу с ним был послан другой военачальник — Варда Фока, но он, в свою очередь, поднял мятеж, провозгласил себя императором и овладел Малой Азией. В 987 г. Варда Фока осадил Авидос и Хрисополь, намереваясь создать блокаду Константинополя. В этом же 987 г. «или весной 988 г.» (точная дата опять неизвестна)³ из Руси прибыл шеститысячный отряд войска, который принял участие в войне с Фокой и в решительном разгроме мятежников 13 апреля 989 г. Однако при заключении договора о военной помощи в 986 или 987 г. русские поставили условием выдать сестру императора Анну замуж за князя Владимира. Византийцы *вынуждены* были согласиться (хотя это было и неслыханно!), но только в случае, если Владимир станет христианином. Князь принял условие. Как сказано в одной авторитетной арабской хронике Яхьи Антиохийского: «И побудила его (императора.— *Прот. Л.*) нужда послать к царю руссов, — а они враги его — чтобы просить их помочь ему в

настоящем его положении... И заключили они между собою договор о свойстве и женился царь руссов на сестре царя Василия после того, как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны, а они народ великий». Затем повествуется о победе войск греков и русских над мятежным Фокой⁴.

Другой арабский писатель Эль Макин подтверждает эти данные⁵. Византийская хроника Кедрина *в промежутке* между 987 и 989 годами сообщает, что император «успел призвать (русских.— Авт.) на помощь и сделать их князя своим зятем, женив его на сестре своей Анне». Те же сведения повторяются другими византийскими авторами⁶. Во всех этих данных крещение и женитьба князя Владимира представлены как успех византийской дипломатии. Наша летопись вносит, как мы увидим, существенную поправку в картину событий. Но пока нам можно отметить, что целая группа основных исторических источников арабского и византийского происхождения передают внешний ход дел следующим образом.

В 987 или начале 988 г. русское войско прибыло в Константинополь, как-то время спустя состоялось крещение Владимира и женитьба его на Анне и оба последние события произошли *до разгрома мятежного Фоки 13 апреля 989 г.* Такая последовательность фактов вполне соответствует данным «Повести временных лет», в которой крещение Владимира, венчание его с царевной и крещение киевлян отнесены к 988 году.

Наша летопись под 988 годом сообщает без объяснения причин о том, что «пошел Владимир с войском на Корсунь (Херсонес) город греческий» и после осады овладел им, благодаря помощи некоего Анастаса Корсунянина, пославшего Владимиру совет, как перекрыть водопровод, снабжавший водой осажденных. *После* взятия Херсонеса Владимир послал требование соправителям Византии Василию и Константину выдать за него сестру их Анну и, когда она прибыла, крестился и венчался с ней. В нашей летописи, таким образом, крещение и женитьба князя Владимира представлены как успех военной дипломатии русских.

Византийские источники ничего не говорят об этом неожиданном падении союзника Византии — Владимира на Херсонес в разгар войны с Фокой. В хронике Льва Диакона (конец X в.) встречается весьма смутное замечание. Описывая необычные небесные явления, наблюдавшиеся в Константинополе в 989 году, — яркую комету и «огненные столбы», этот автор заключает: «И другие тягчайшие беды предвещал восход появившейся тогда звезды, а также напугавшие всех огненные столбы, которые показались вдруг поздней ночью на северной части неба; они предсказывали *взятие тавроскифами Херсона* и завоевание мисянами (болгарами.— Прот. Л.) Веррей»⁷. Как теперь установлено, «звездой» явилась комета Галлея, которая в 989 г. прошла близко от Земли, а «огненные столбы» объясняются отсветами северного сияния, иногда, оказывается, наблюдающегося в этих южных широтах⁸. На этом основании был сделан вывод о том, что Лев Диакон определенно указывает на взятие князем Владимиром Херсонеса *после 26 октября 989 г.* Основание для такого вывода явно недостаточное! Почему, спрашивается, нужно отождествлять сообщение Льва Диакона с набегом на Херсонес князя Владимира?! «Тавроскифами» действительно имено-

вали иногда в Византии и русских. Но в 988 г. там уже знали «руссов» под их собственным именем, знали также и о государстве руссов. И, кроме того, помимо русских под тавроскифами понималось также и коренное, довольно пестрое, население Тавриды (Крыма). Напасть на Херсонес после октября 989 г. мог совсем не князь Владимир. Так, современные археологи обнаруживают в раскопках Херсонеса почти повсеместно следы пожара конца X в., что может означать (хотя и не обязательно) сожжение города каким-то неприятелем. А между тем, как явствует из «Повести временных лет», князь Владимир не подвергал Херсонес столь страшному опустошению... Наконец, у Льва Диакона нет ни слова о крещении князя этих «тавроскифов» и их самих...

Но вот в одном древнерусском тексте находятся неожиданные заявления Иакова Мниха (XI в.). В сочинении «Похвала князю русскому Владимиру»⁹ он пишет, что Владимир «по святом крещении пожил 28 лет». Если отнять от 1015 г. (год смерти князя) 28, то получится 987 год. Далее, по словам Иакова, в третье лето после своего личного крещения Владимир «умыслил поход на Корсунь» с той целью, чтобы оттуда «привести христиан и священников для просвещения Русской земли». Исполнив задуманное и взяв в Херсонесе церковные сосуды, иконы и мощи святого Климента и иных святых, князь Владимир будто бы *после этого* посватался к царевне Анне, чтобы «себя более направить на закон христианский», а императоры Константин и Василий охотно выдали за него сестру свою и прислали с ней еще богатые дары. Получается, что Владимир ходил на Херсонес вовсе не для того, чтобы добиться руки Анны. Это существенно противоречит известным фактам и самой логике вещей. Но на сие противоречие не обращают внимания. Противников общепринятой летописной версии крещения Владимира и Руси устраивает в тексте «Похвалы» Иакова Мниха дата похода на Херсонес — «в третье лето по крещении» Владимира, то есть 990 г. Такая дата *совпадает* с сообщением Льва Диакона о взятии Херсонеса «тавроскифами» после 26 октября 989 г. Это и привело к возникновению в исторической науке критических мнений о времени крещения князя Владимира и Руси. Традиционную «летописную» версию Крещения по-разному пытались отрицать и пересматривать Е. Е. Голубинский, В. Г. Васильевский, А. А. Шахматов, В. В. Розен и другие. Последняя по времени точка зрения нашла отражение в статье О. М. Рапова «О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами»¹⁰, где автор, учитывая суждения многих ученых, приходит к выводу, что князь Владимир крестился действительно в 988 г., но не в Херсонесе. Херсонес, по мнению О. М. Рапова, был взят им в конце апреля — начале мая 990 г., а крещение киевлян последовало в конце июля — начале августа того же 990 года. Основным аргументом такой версии служит датировка Иакова Мниха, совпадающая с известием Льва Диакона. Тогда получается, что князь Владимир своевременно выполнил оба условия договора с Византией: послал ей войско и крестился, а Византия *обманула* нашего князя и невесты ему не прислала, вследствие чего, прождав более двух лет, Владимир напал на Херсонес и таким образом вынудил империю исполнить обещанное. В том, что царевна Анна прибыла к Владимиру в Херсонес и там произошло их венчание, после чего они вместе отправились в Киев, ученые уже не

сомневаются. При такой версии неизбежно отбрасываются данные арабских и византийских хроник, все данные нашей летописи, а князь Владимир предстает наивной жертвой византийского коварства...

А меж тем по своей исторической «весомости» свидетельства арабских и византийских источников (независимые друг от друга) и свидетельства «Повести временных лет» в совокупности намного превосходят данные Льва Диакона и Иакова Мниха. Как мы уже видели, беглое замечание Льва Диакона само по себе никак не может быть основанием для того, чтобы отождествлять его «тавроскифов» именно с князем Владимиром. Это смутное замечание приобретает силу только *в связи* с данными Иакова Мниха. Насколько же достоверна «Похвала» Иакова? В конце своего сочинения этот автор приводит еще ряд дат, связанных с жизнью князя Владимира. Он пишет, что «седе в Киеве князь Владимир в осьмое лето по смерти отца своего Святослава». Как известно, Святослав погиб в 972 г., так что начало княжения Владимира должно приходиться на 980 г., что согласуется и с летописью. Но Иаков Мних указывает другую дату — 6486 (978 г.). Ошибка в два года слишком значительна; летописный текст о захвате Владимиром Киева и вблизье Ярополка не дает возможности предположить, что дело тянулось два года. Затем Иаков говорит, что «крестился князь Владимир в десятое лето по убиении брата своего Ярополка». Поскольку Иаков исходит из ошибочной даты — 978 г., то крещение Владимира относится им к 988 г. В начале «Похвалы» он приводил правильную дату смерти Владимира — 6523 (1015 г.), и тогда год крещения получался у него 987-м... Как видим, с датами у Иакова Мниха дело обстоит неважно. Гораздо хуже с фактами. «Мних» *совсем не знает* обстоятельств и даже места крещения Владимира. А причины взятия Херсонеса и дело женитьбы князя на греческой царевне находятся у Иакова в таком противоречии со всеми историческими источниками, что в науке эти сведения «Похвалы» обычно просто замалчиваются... А между тем, если Иаков Мних так плохо осведомлен об этих важнейших событиях, то на каком основании можно доверять его сообщению о дате похода на Херсонес — «в третье лето по крещении»?! Наконец, перу того же самого Иакова Мниха приписывается и другое произведение на те же темы — «Житие блаженного Владимира»¹¹, где вся история крещения князя описана совершенно иначе, а именно так, как впоследствии она и передана «Повестью временных лет». Согласно этому «Житию», Владимир взял Херсонес, потребовал Анну, а когда она прибыла, крестился в Херсонесе в церкви Святого Иакова (по летописи — Святого Василия)... Все заставляет нас признать, что при написании «Похвалы» Иаков Мних пользовался какими-то непроверенными, неточными сведениями (от которых, возможно, сам же потом и отказался). Поэтому ценная во многих отношениях «Похвала князю Владимиру» в вопросе о его крещении и походе на Херсонес не может считаться достоверной.

Зато нет никаких достаточных оснований сомневаться в достоверности независимых друг от друга свидетельств арабских и византийских источников о том, что князь Владимир стал зятем императора (перед этим крестившись) в самый разгар войны с Вардой Фокой до решительного поражения мятежников 13 апреля 989 г. Здесь, наконец, мы

должны обратить внимание на еще один исторический источник — «Всеобщую историю Степаноса Таронского, Асохика, по прозванию Таронаци» — армянского автора XI века, имевшего сведения, как говорится, из первых рук, от армян, также принимавших участие в войне с Вардой Фокой на стороне византийских соправителей Василия и Константина. В событиях 988 года Степанос Таронский описывает столкновение, происшедшие между «иверийцами» (грузинами) и «рузами» (русскими) в военном лагере Василия и, в частности, отмечает: «Тогда весь народ Рузов, бывший там, поднялся на бой: их было 6 тысяч человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя Рузов в то время, когда он выдал сестру свою замуж за последнего. В это же самое время Рузы уверовали во Христа» [Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика, по прозванию Таронаци. М., 1864, с. 200]. По смыслу текста совершенно очевидно, что принятие христианства князем русских и имн всеми произошло «в то самое время», когда Византия попросила помощь у князя Владимира, то есть до поражения Варды Фоки 13 апреля 989 г. В этих данных отражена важнейшая причина, по которой греческая царица могла стать женой варварского князя, — *острота момента*, переживаемого правителями Византии. Набег Владимира на Херсонес легко и логично «вписывается» в хронологические рамки 988 года, устанавливаемые данными арабских и византийских хроник. Сопоставляя эти данные с рассказом нашей летописи, можно представить себе действительный ход событий.

В 987 г. был окончательно заключен договор о военной помощи Византии со стороны Руси (переговоры могли начаться и раньше — после разгрома византийцев болгарами в 986 г. и в связи с угрозой Варды Склира). В соответствии с договором князь Владимир в том же году отправил войско в распоряжение империи. Только *после этого* он, естественно, получил право требовать исполнения Византией ее договорного обязательства — выдачи за него замуж сестры Константина и Василия Анны. И потребовал. В ответ он получил тоже по-своему справедливое требование: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе»¹². Условия договора с самого начала предусматривали это обстоятельство, как о том говорят источники. Начались препирательства, которые отражены в нашей летописи, к чему мы еще вернемся. Владимир настаивал, чтобы сначала прислали Анну, а потом он крестится. Константинополь же добивался, чтобы Владимир сначала крестился, а потом ему пришлют Анну... Создалось безвыходное положение, дипломатический тупик. Обе стороны можно понять. Владимир чувствовал себя обиженным, поскольку выполнил уже главнейшее условие договора — послал военную помощь, почему и не спешил с исполнением своего второго обещания — креститься. Зная о том, что Владимир не принимает еще крещения, Византия тоже не спешила с выполнением своего договорного обязательства. Очень достоверно и правдиво в нашей летописи говорится о том, что сама Анна плакала при мысли о замужестве с незнакомым князем варварской страны, желая себе лучше смерти... Здесь еще нужно учесть исконную, непомерную гордость Византийского двора. Царицы империи, как правило, не выдавались замуж за представителей варварских народов, даже если те были христианами. Так, в руке этой самой Анны в свое время было уже *отказано*

сыну короля Германии Оттона I Великого¹³. Согласиться на условие Владимира и выдать за него Анну могли побудить Византию только те чрезвычайные обстоятельства, в которых она оказалась. Но даже в этих обстоятельствах империя старалась не спешить с выполнением данного условия договора, используя удобный предлог: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников». Выхода из тупика не предвиделось, а момент был настолько удобный для Владимира, что упустить его он не мог никак. Шеститысячное войско русских находилось в составе византийской армии вблизи Константинополя, от этого войска зависела судьба империи. Но скоро, в случае победы над мятежниками, все могло измениться самым непредсказуемым образом. В такой обстановке Владимир должен был прибегнуть к единственному оставшемуся у него действенному средству — к силе! Вот причина внезапного нападения союзника Византии на ее крымское владение — Херсонес. Из взятого города в Константинополь пошел грозный ультиматум: «...Если не отдадите ее (Анну) за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». Рассуждая отвлеченно, можно допустить, что Владимир решил бы организовать специальный поход на Царьград, как это делали прежние русские князья. Но нам представляется, что ультиматум Владимира должен был возыметь особую силу как раз в связи с тем, что в то время, в 988 г., вблизи Царьграда уже находилось русское войско! Свой набег на Херсонес Владимир должен был рассчитать очень точно, — в самый критический для империи момент войны с Вардой Фокой, то есть до 13 апреля 989 г. По данным историков Византии, корпус русских войск прибыл в распоряжение правительства империи «весной 988 г. (а может быть, в конце лета или осенью 987 г.)»¹⁴. Если принять первую дату, то нападение Владимира на Херсонес могло произойти в середине или второй половине 988 г., а если принять вторую — 987 г., то русский князь осадил Херсонес в конце 987 г. или начале 988 г., что более точно согласуется с данными нашей летописи. Тогда прибытие царевны Анны в Херсонес должно было последовать весной — летом 988 г. Единственное возражение против этого носит слишком абстрактный характер: в 988 г. Варда Фока стоял на Босфоре и контролировал малоазийские морские пути, а с 986 по 991 г. враждебные Византии болгары блокировали западные морские и сухопутные пути из Византии на Русь. Но ведь дошел же до Византии каким-то образом воинский корпус русских, осуществлялись и дипломатические связи... Что мы знаем о реальных возможностях Византии на Черном море того времени! Вряд ли можно считать непреодолимыми для империи трудности, связанные с отправкой одного или нескольких кораблей в Херсонес. В приведенном ранее отрывке из древнего источника ясно говорится, что в разгар событий 987—989 гг. император «успел призвать на помощь русских, сделав их князя своим зятем». Весна 989 г. — время Великого поста, когда таинство бракосочетания не совершается. Зима с Рождественским постом (с ноября) и Святками тоже исключается. Кроме того, осень, зима, ранняя весна — время самое неблагоприятное для мореплавания в Черном море по причине сильных штормов. Плавали на большие расстояния обычно с мая по сентябрь¹⁵. В этот именно период и должна была прибыть в Херсонес царевна Анна. Так что зятем императора князь Владимир «успел стать» летом 988 г. Тогда

вполне согласуются между собой все свидетельства арабских, византийских и русских летописных данных, сохраняется и общепринятая традиционная дата крещения князя Владимира и киевлян — 988 год.

Молчание византийских источников о набеге Владимира на Херсонес в 987—988 гг., как нам думается, можно объяснить так. *Главным* для византийских хронистов были события внутри собственной империи — война с мятежниками и столь удачно использованная военная помощь русских. Детали и перипетии конкретных обстоятельств женитьбы русского князя на греческой царевне отодвигались на второй план, заслуживались важнейшей темой, тем паче, что сколь внезапно союзники-русские напали на Херсонес, столь же быстро, *еще в разгар войны с Фоккой*, они и отдали его Византии обратно в качестве «вена» за царевну Анну! Этот быстрый военный конфликт с русскими в отдаленной колонии империи в глазах византийских историков был в известной мере побочным и *случайным*, почему они предпочли вовсе о нем не упоминать, тем паче, что рассказ о набеге русских на Херсонес оборачивал дело крещения Владимира, его женитьбы на Анне и крещения Руси в явный успех не византийской, а русской дипломатии!..

В свою очередь, для русских летописцев определенно неважными и побочными были события в Византии (почему о них и не пишут ничего), зато очень важными являлись обстоятельства крещения и женитьбы князя Владимира, которые и описаны в подробностях. Но и здесь, в этих подробностях, было основное и второстепенное. Древние летописцы не были учеными-аналитиками в современном смысле, хотя часто проявляли живой интерес к фактам, их малейшим деталям, датам. Последнее могло интересовать летописцев как людей духовных и церковных, особенно тогда, когда с фактами и деталями было связано нечто духовно важное. Так, время и место крещения князя Владимира очень важны для автора «Повести временных лет», и он *предупреждает о заведомой* ложности слухов, что Владимир крестился не в Херсонесе, а в Киеве или в Васильеве. Что же касается конкретных перипетий политических переговоров о браке и крещении князя, то, с точки зрения монаха-летописца, здесь была интересна только суть дела, то есть что такие переговоры *были*, а сколько времени и как они велись, не представляло для него большой важности. Поэтому летописец поведал об этих переговорах в рамках рассказа о взятии Владимиром Херсонеса и пребывании в нем в 988 г., тогда как на самом деле заключение договора и последующие препирательства об исполнении всех его условий должны были происходить в течение всего 987 и начала 988 года.

Летописные сказания о взятии Херсонеса, крещении и венчании там князя Владимира и последовавшем крещении киевлян в 988 г. заслуживают доверия еще и потому, что во время написания «Повести временных лет» автор, кроме государственных документов эпохи Крещения, пользовался и тщательно проверенными рассказами очевидцев. Преподобный Нестор, по его словам, лично знал Печерского монаха Иеремию «иже помняше крещение земле Руськыя». В конце XI века еще были живы некоторые свидетели событий. Но почему в те же времена ходили разные слухи о месте крещения Владимира и времени его похода на Херсонес? На наш взгляд, это легко объясняется именно

тем, что в *Херсонесе* крестился князь Владимир. Об этом хорошо знали те, кто был там с ним, а также люди достаточно осведомленные от ближайшего к князю окружения. Основная масса русского общества достаточно хорошо и точно знала лишь о торжествах массового крещения людей в *Киеве*, а также об особенных торжествах в *Васильеве* в 996 г. Здесь Владимир избежал верной смерти от печенегов, спрятавшись под мостом и давая обет Богу, в случае спасения, поставить в Васильеве церковь во имя Преображения Господня, так как все происходило в день этого праздника. «Избегнув опасности,— говорит летописец,— Владимир точно построил церковь и устроил *великое празднование*, наварив меду триста мер. И созвал бояр своих, посадников и старейших *из всех городов и всяких людей много* и роздал бедным триста гривен. Праздновал князь восемь дней...»¹⁶. Празднование должно было быть и вправду необычным, поскольку летопись уделяет ему столь большое внимание. Слухи об этих необычных торжествах, сопровождавшихся новыми еще для Руси христианскими богослужениями и обрядами, вполне могли связаться в сознании плохо осведомленных людей вдали от Киева с принятием новой веры князем Владимиром во время одного из этих торжеств. Нужно помнить, что в те времена еще не было широковещательной службы массовой государственной информации. По поводу таких слухов Нестор счел нужным сделать особое предупреждение: «Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в *Киеве*, иные же говорят — в *Васильеве*, а другие и по иному скажут»¹⁷. То же самое могло произойти со слухами о походе на *Херсонес*. Любой поход Владимира на юг к порогам против печенегов мог *впоследствии* отождествиться в сознании *несведущих* людей с походом на *Херсонес*. Полагают, что первое сказание «Как крестился Владимир *возня Корсунь*» было составлено в Десятинной церкви еще при Анастасе Корсунянине, который был определен протопопом в этой церкви по настоянию самого князя Владимира, то есть в 90-х годах X в. В таком случае «Корсунская легенда» о крещении Владимира должна была иметь поистине облако живых свидетелей. В такой обстановке Анастас имел возможность разве лишь чуть-чуть преувеличить значение своей заслуги в овладении русскими *Херсонеса*, но исказить факты до такой степени, чтобы заявить в подробностях (!) о крещении Владимира в *Херсонесе*, тогда как такового там не происходило, он не мог никак.

Рассмотренного достаточно, чтобы сделать главный вывод: доводы критической версии, отрицающей взятие *Херсонеса* Владимиром в 988 г. и крещение его именно там, слишком неосновательны и, в свою очередь, не выдерживают критики, тогда как данные в пользу этой даты и места достаточно прочны и устойчивы во всей своей совокупности. А это не дает оснований для пересмотра летописной и житийной датировки крещения как самого князя Владимира, так и киевлян — в 988 году.

Крещение Владимира с дружиной, по летописи, очень *в духе* этого князя — внука княгини Ольги, много интересовавшегося обстоятельствами *ее крещения!* Невозможно представить более премудрого, удачного, точного соединения дела своего крещения с дружиной (т. е. начала крещения Руси) с величайшей духовно-политической выгодой для Русской земли — династическим браком, *породнением* с Византийской им-

перией! Это было небывалым возвышением иерархического ранга Русского государства и в чисто духовном смысле и в плане международного веса и престижа!

Рассмотрим теперь спокойно то, что сообщает нам «Повесть временных лет»¹⁸. При осаде Херсонеса, когда «протопоп» (?) Анастас подал Владимиру ценный совет, как овладеть городом, князь воскликнул: «Если сбудется это — крещусь!». Очень естественное, произвольное восклицание человека, уже обратившегося ко Христу, но стрепетом желающего еще и некоторых знамений Божией к нему милости и силы... Город, лишившийся воды, сдался. Ультиматум Владимира в Константинополе вынуждены были принять (переживали крайне острое военное положение в войне с Фокой). Решающим доводом для царевны Анны послужили слова, влагаемые летописцем в уста Василия и Константина — братьев Анны: «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь?» И едва принудили ее. Она же села в корабль... с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь». Здесь Анну ожидала невеселая новость. Ее жених, князь Владимир, «по Божию устроению... разболелся глазами и не видел ничего, и скорбел сильно и не знал, что сделать. И послала к нему царица» (так называет летопись Анну.— *Прот. Л.*) сказать, чтобы он крестился скорей («если же не крестишься, то не избежишь недуга своего»). Какова сила веры «царицы»! «Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же Корсунский с царицыными попами, огласив, крестили Владимира. «И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел Владимир. Владимир же, увидев свое внезапное исцеление, прославил Бога: «Теперь узнал я истинного Бога».

Очень точные слова! До сих пор князь в основном узнавал о Боге (хотя, конечно, сердцем смутно чувствовал Его). Но чтобы *узнать Бога*, нужно особое Божие снисхождение к человеку, отчетливо и сильно переживаемое как *личная встреча* с Богом. Владимир ждал, как бы домогался этой встречи, и она произошла! Увидев чудо исцеления князя, начала креститься его дружина. «Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсунни, посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарем». Вот данные, которые нашему монаху-летописцу представлялись особенно важными и которые он, судя по всему, специально выяснял из документов и от знатоков Херсонеса, почему и нет никаких оснований сомневаться в их достоверности.

Есть одно суждение эмигрантского церковного историка А. В. Карташова, которое, по-видимому, нуждается в ответе. Карташов, поверив Иакову Мниху, полагает, что князь Владимир крестился не в Херсонесе, а ранее, побуждаемый чистым личным призывом к Богу, а не «утилитарными» соображениями женитьбы на царевне Анне. «А потому, — пишет Карташов, — мы предпочитаем утверждать, во славу нашего крестителя, нечто лучшее. А именно, что его внутренний процесс... уже привел его к личному крещению...»¹⁹.

Этот «внутренний процесс» обращения к Богу у князя Владимира

действительно шел до его личного крещения, шел независимо от политических и иных «утилитарных» соображений, о чем прямо и косвенно говорят многие наши источники. Это особый вопрос, который здесь в подробности нет возможности описать. Но это личное чисто духовное устремление ко Христу несколько не противоречит тому, что окончательное решение креститься было принято князем Владимиром именно в связи с династическим браком. Соединить дело личного спасения с великим благом, как духовным, так и политическим, для всей родной Русской земли — вот в чем истинная мудрость великого равноапостольного князя! Вот эта духовная, государственная, *патриотическая мудрость* и есть то «лучшее», что мы со своей стороны предпочитаем утверждать во славу нашего крестителя!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цитировано по: *Архимандрит Аверкий*. Крещение Руси и заветы св. князя Владимира русскому народу. Мюнхен, 1949, с. 4—5.
- ² История Византии. М., 1967, т. II, с. 235.
- ³ Там же, с. 219, 236.
- ⁴ *Рапов О. М.* О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами.— Вопросы истории, 1984, № 6, с. 39; *Розен В. В.* Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, с. 24.
- ⁵ *Макарий, митрополит*. История Русской Церкви. СПб., 1868, т. I, с. 12.
- ⁶ *Карташов А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Париж, 1959, т. I, с. 115; *Рапов О. М.* Указ. соч., с. 39.
- ⁷ *Рапов О. М.* Указ. соч., с. 38.
- ⁸ Там же, с. 39, 37.
- ⁹ *Макарий, митрополит*. История..., т. I, приложение I.
- ¹⁰ *Рапов О. М.* Указ. соч., с. 34—37.
- ¹¹ *Макарий, митрополит*. Указ. соч., т. I, приложение II.
- ¹² Повесть временных лет.— В кн.: Памятники литературы Древней Руси XI—начала XII века. М., 1978, с. 125.
- ¹³ Настольная книга священнослужителя. М., 1979, т. 3, с. 575.
- ¹⁴ История Византии, т. II, с. 236.
- ¹⁵ *Рапов О. М.* Указ. соч., с. 41.
- ¹⁶ Повесть временных лет, с. 141.
- ¹⁷ Там же, с. 127.
- ¹⁸ Там же, с. 127—131.
- ¹⁹ *Карташов А. В.* Очерки..., т. I, с. 119.